# Рецензии

## *Селезнев Н. Н.* Pax Christiana et Pax Islamica: Из истории межконфессиональных связей на средневековом Ближнем Востоке. М.: РГГУ, 2014. — 268 с.

Рецензируемая монография обобщает исследования Н. Н. Селезнева в области конструктивного социального и интеллектуального взаимодействия религиозных сообществ. Автор основывается на изучении исторического опыта, засвидетельствованного в оригинальных (арабских) теоретических сочинениях. Н. Н. Селезнев публикует и анализирует источники, позволяющие осуществить теоретическую реконструкцию ситуации плодотворного сосуществования религиозных сообществ обширного культурного пространства исламского мира. Привлеченный материал используется в качестве фундамента, дающего возможность проследить историческую логику выстраивания взаимоотношений между конфессиональными группами, ориентированными на ценности традиции. Данные об историческом опыте такого взаимодействия ранее недостаточно учитывались исследователями: во многих работах преобладает подход, выявляющий главным образом полемическое содержание письменных памятников арабской культуры соответствующего периода. Исследования, затрагивающие аспект творческого взаимодействия различных и исторически оппонировавших друг другу христианских конфессий в контексте развития арабской культуры — что привело к формированию по сути экуменической парадигмы взаимодействия, — единичны, а потому рассматриваемая работа представляет особый интерес.

Материалы книги выстраиваются в логическую последовательность в свете обстоятельного труда «Свод основ религии и внятная суть достоверного знания» (*Маджмӯʿ усӯл ад-дӣн ва-масмӯʿ маҳсӯл ал-йаḳӣн*). Его автор — арабо-коптский энциклопедист XIII века ал-Муʾтаман Абӯ Исḥāḳ Ибрāхӣм ибн ал-ʿАссāл, происходивший из влиятельного семейства интеллектуалов — *ʾАвлāд ал-ʿАссāл*. Это философско-богословское сочинение

«основывается на наследии предшественников, творения которых [Ибн ал-ʿАссāл] встраивает в систематическое изложение философски осмысленного христианского учения. Обзор автора охватывает известные ему конфессии, и у всех из них он желает увидеть разумные построения, отметить противоречивые положения и указать на возможность их рационального преодоления» (стр. 8). В «Своде» Ибн ал-ʿАссāля, среди обилия привлеченного материала, мы находим изложение раздела сочинения «достойного священника Наẓīфа ибн Йумна, врача багдадского, мелькита», пересказ сочинения «Илии, митрополита Иерусалима, на ту же тему, которое он назвал “[Книга] общности веры и краткого изложения религии” (и [еще] говорили, что это [сочинение] ʿАлī ибн Дāвӯда)», краткую версию трактата «Как постичь истинность вероисповедания» «почтеннейшего, единственнейшего, знающего, достойного, мудреца, философа и врача Ḫунайна ибн Исḥāḳа» и воспроизведение «Главы одиннадцатой из сочинения Ибн аṭ-Ṭаййиба, несторианина, с перечислением мнений людей о единстве и их доводов». Все эти части представлены в рецензируемой книге. Особенно следует отметить главу, посвященную «[Книге] общности веры и краткого изложения религии». Автором книги не только дается перевод и источниковедческий разбор этого произведения, но приводится и сам оригинальный текст по рукописи на каршуни (так называется запись арабского текста сирийскими буквами) по рукописи Ar. 657 из Ватиканской библиотеки. Как отмечает Н. Н. Селезнев, «судьба этого произведения оказалась не менее “экуменической”, чем замысел его автора. Созданный книжником-“яковитом”, этот трактат приобрел распространение под именем “переписавшего” его “несторианского” митрополита, был использован коптским богословом, описан ученым-маронитом, переписан “халдейским” письмом… и, наконец, привлекался как свидетельство древности двуперстия историками русского староверия» (стр. 43–44).

Изучение источников Ибн ал-ʿАссāля в рассматриваемой книге вписано в более широкий контекст. Книга открывается главой о встрече византийского императора Ираклия с католикосом восточносирийской Церкви Йшōʿйавом II (VII в.), завершает ее исследование литургического трактата арабо-коптского автора — обзора особенностей христианских сообществ на Востоке, как традиционных восточнохристианских, так и состоявших из пришедших на Восток деятелей Запада — франков. Таким образом, рецензируемая книга может рас-

сматриваться и как серия увлекательных экскурсов в различные области интеллектуального творчества представителей христианского сегмента средневекового мусульманского Востока. Показаны интенсивные культурные контакты, отмечены объединительные тенденции, откуда происходит и название книги — *Pax Christiana et Pax Islamica*, — обыгрывающее тему поисков христианского единства в связи с развитием арабо-мусульманской мысли.

Книга демонстрирует обширную эрудицию Н. Н. Селезнева, свободно ориентирующегося в огромном корпусе исторических источников. Среди очевидных достоинств книги отметим также мастерское владение ее автором классическими (греческий, латынь) и восточными (сирийский, арабский) языками. Тексты на них приводятся в оригинале и авторском переводе, что значительно повышает научную ценность труда. Пожалуй, единственный упрек, который можно было бы адресовать автору в связи с переводом, — это очевидные однотипные арабизмы, проистекающие из стремления передать союзом «и», стоящим в начале фразы, соответствующее арабское *ва*, а также скрупулезное следование арабскому оригиналу в передаче других союзов или иных частей речи, играющих в оригинале роль связки между предложениями («затем», «потом» и т. д.). Такая скрупулезность была бы оправдана, если бы арабский синтаксис мало отличался от русского. Дело, однако, обстоит противоположным образом, и передача буквы текста может в данном случае оказаться отступлением от самой идеи перевода, поскольку фактически искажает текст, создавая у русского читателя ощущение искусственности и нарочитости там, где в арабском оригинале есть только следование языковой норме.

К какой области знания следовало бы отнести книгу Н. Н. Селезнева? При кажущейся простоте вопроса ответить на него не так-то просто. С одной стороны, подзаголовок, содержащий слово «история», как будто определяет жанр исследования как исторический. Против этого трудно что-то возразить, однако такая характеристика не исчерпывает содержания книги. Автор выступает не только как историк, но и как филолог, и эта филологическая направленность труда заметна и в том внимании, какое он уделяет текстам, и в бережном, любовном обращении с первоисточниками, и даже в доле объема текстового пространства, отданного воспроизведению оригиналов и их переводу. Текст не уходит «за ширму», не остается где-то на «исследовательской кухне» автора, а присутствует,

настойчиво и зримо, на страницах труда. Между этими двумя ипостасями (надеюсь, автор простит мне иносказательное употребление слова, в его книге играющее роль одного из центральных терминов) нет разделения, они органично переходят и обосновывают друг друга: история исследуется через текст, а подробное филологическое изучение текста оказывается необходимым для исторического расследования. Такой способ рассказать историю или показать жизнь и содержание текста заслуживает особого упоминания и, на мой взгляд, составляет существенное достоинство авторского стиля.

Но дело, конечно, не только в стиле. Подобное сочетание: история через текст и текст, вплетенный в историю, — дополняется еще одним, не менее существенным обстоятельством. Автора интересует не только слово текста, но и стоящая за ним, пусть и не высказанная прямо, мысль; не только история как событийная цепь, но и причины, ее породившие и сформировавшие. Исследование Н. Н. Селезнева тяготеет, на мой взгляд, к философичности, — к тому, чтобы заглянуть за очевидное, т. е. представленное взору, чтобы понять, чем оно оправдано и как стало возможным. Поэтому отдельные статьи-исследования, составившие книгу, объединяются не только на внешнем, событийно-историческом, но и на внутреннем, идейно-теоретическом уровне. Продвигаясь от одного раздела книги к другому, мы начинаем постепенно понимать, как же стало возможным это плодотворное сосуществование Pax Christiana и Pax Islamica, не уничтожаемое, а наоборот, подпитываемое неустранимыми догматическими разногласиями между двумя исповеданиями, не говоря уже о внутренних различиях ветвей каждого из них. Вероятно, это стало возможным не в последнюю очередь благодаря единому мыслительному пространству, заданному и сформированному общими мыслительными моделями. Из таких, очевидно просматривающихся в тексте, назову две, принадлежащие к числу наиболее употребительных и важных в теоретическом дискурсе арабо-мусульманской культуры: это *ʾaṣl-фар‘* (корень-ветвь) и *лафз̣-ма‘нан* (слово-смысл). Эти модели привлекаются, насколько можно судить, и христианскими авторами при обсуждении вопроса единства и многообразия вероисповеданий (см. стр. 39, 88 и др.). Мыслительные модели носят формальный, а значит, не зависящий от конкретного содержания характер, они стоят, так сказать, выше догматических (содержательных) различий. Не исклю-

чено, что в основании взаимопонимания, не разрушенного догматическими различиями и обеспечившего взаимное сосуществование и культурный обмен двух миров, лежало не в последнюю очередь именно использование единых мыслительных приемов, формализуемых как названные модели, терминологически маркированные, а значит, легко узнаваемые и воспроизводимые во всей полноте их логики слушателем.

Читатель, уверен, получит не только пользу, но и большое интеллектуальное наслаждение от труда Н. Н. Селезнева. Начиненная, казалось бы, до отказа научным аппаратом и всякого рода ссылками, книга тем не менее удержала свежий, живой стиль и не покрылась скучной кабинетной пылью. Автор как будто вводит нас в круг своих хороших знакомых, которые приглашают к разговору и хотят разделить с нами свои заботы и обогатить результатами своих раздумий. Пожелаем же читателю испытать радость знакомства с этим трудом, а его автору — и дальше идти избранным путем, не выбиваясь из своей колеи.

*А. Смирнов*

**Noble, Samuel and Treiger, Alexander (2014) *The Orthodox Church in the Arab World, 700–1700: An Anthology of Sources*/Foreword by Metropolitan Ephrem (Kyriakos). DeKalb, IL.: Northern Illinois University Press. — 355 p.**

Книга «Православная Церковь в арабском мире (700–1700 гг.): Антология источников», составителями которой выступили Сэмуэл Ноубл, соискатель докторской степени в области религиоведения Йельского университета, и Александр Трейгер, доктор философии (ислам и ближневосточное христианство), доцент университета Дальхаузи (Канада), состоит из трех основных частей — введения (pp. 3–39), последовательности глав, содержащих соответствующие источники или их фрагменты, публикация которых (в английском переводе) предваряется предисловием переводчика и сопровождается библиографией (40–275), и, наконец, обстоятельных примечаний к вводному и источниковедческому разделам (277–349). Издание содержит также указатель библейских и коранических цитат (354–366), именной указатель (366–375), предисловие Ефрема (Кириакоса), антиохийского православного митрополита Триполи, ал-Кӯры и окрестно-